

читать, искать у него подтверждения своих мнений – в его мнениях нужду испытывают гораздо реже» (с. 10). Действительно, трудно сказать, в какой мере те, кто называл себя наследниками славянофилов (от С.Ф. Шарапова до наших дней), пытались понять и принять их убеждения, а не только воспользоваться удобными цитатами для рассуждений об особом пути развития. Тем не менее «тот факт, что по сей день в публицистике используется “славянофильство” как обозначение позиции в ряду современных – во многом результат осуществлённого Аксаковым “транзита”» (с. 10).

Вместе с тем глубокий интерес к самому аксаковскому наследию сохраняется (и, возможно, даже растёт) лишь среди специалистов. Прагматизм эпохи, да и не только он, превращает подобные исследования в достояние небольших групп интеллектуалов, которые обсуждают их в своём же кругу. Даже университетский преподаватель и школьный учитель при необходимости скорее обратятся к энциклопедической статье. Гораздо меньшая по объёму биография, выпущенная тем же тысячным тиражом, имела бы больше шансов быть прочитанной до конца и, что самое главное, вызвать отклик у «широкого круга читателей». Всё же размышления о славянофильстве сегодня мало кого могут увлечь, в отличие от «модных» идеологов национализма и консерватизма или парадоксального К.Н. Леонтьева. Славянофилы для сегодняшнего дня излишне «романтичны» и не слишком «успешны». Ведь, как признаёт в заключении автор, его герой, отличавшийся личным благородством, искренностью и другими замечательными качествами, прожив «как должно», потерпел поражение: «Собственно, яркой удачи – ни одной, всё “вопреки”, со способностью раз за разом начинать вновь то, что считал должным, делать своё дело с энергией и энтузиазмом» (с. 618). И только? Аксаков, отдавший жизнь служению своим принципам, – не успешен? Но каков критерий «успешности»? Ведь по современным меркам «не успешен» и Дон-Кихот Ламанчский. Как тут не вспомнить сравнение Аксакова с рыцарем, которое так ему не нравилось...

Подводя итоги, Тесля пишет: «В обретавшей новую жёсткость системе для самостоятельных публицистов-идеологов... пространства не было – система не нуждалась в них, предпочитая тех, кто будет обслуживать режим, находя приемлемое оформление для уже принятых решений – а не претендовать на самостоятельное значение, имевшее свой смысл в период..., когда режим нуждался в поддержке, в использовании разнородных ресурсов, опираясь на общественные силы (и тем самым до некоторой степени легитимируя их существование)» (с. 614). Тому, кто не читал книгу, может показаться, что это сказано не про аксаковские времена. Как быть, если в России всё повторяется? Делай, что должен... Этому и учит жизнь Ивана Сергеевича Аксакова.

Елена Мамонова: Пути и чувства Ивана Аксакова

Elena Mamonova («Rossiiskaia istoriia» journal, Moscow, Russia): Ivan Aksakov's ways and feelings

А.А. Тесля не случайно в самом начале своей книги об И.С. Аксакове указывает на то, что «она не является ни подробной биографией, ни систематическим изложением его взглядов» (с. 3). Автор пишет прежде всего про «чувства, настроения, переживания» своего героя, пытаясь с их помощью понять его жизненный путь и мировоззрение. Приводя обширные цитаты, Тесля подробно освещает, как Аксаков воспринимал и переживал те или иные события

и особенно — как он изображал их в своей переписке, но этот «воображаемый контекст» его действий нередко совершенно заслоняет собой реальные обстоятельства, разобраться в которых по тексту книги бывает непросто. Так, дважды рассказывая — в самом исследовании и в документальном приложении к нему — о приостановке «Дня» из-за отказа Аксакова сообщить, кем именно была написана опубликованная под псевдонимом статья о положении православного духовенства в Виленской епархии (с. 187, 647), Тесля приводит большие фрагменты из аксаковских писем к Н.С. Соханской и кн. Д.А. Оболенскому, но ничего не говорит ни о самой статье, ни о том, почему собственно она привлекла внимание цензоров. Какие именно болезненные темы были в ней тактично или бестактно затронуты? Что происходило тогда в церковной жизни Западного края? Всё это читателю придётся узнавать из других изданий.

Схожим образом характеризуются и споры Аксакова с его оппонентами. К примеру, автор отмечает, что Иван Сергеевич к концу жизни разошёлся во взглядах с К.П. Победоносцевым, и убедительно доказывает это, демонстрируя, как эмоционально они отзывались друг о друге в своей переписке (с. 436–439). Но в чём именно совпадали их мнения и с чем было связано расхождение, Тесля умалчивает. В результате, обильное цитирование источников не только не позволяет расслышать диалог Аксакова с его современниками, но, напротив, превращает текст в бесконечную череду монологов, обращённых, по большому счёту, не столько к другим, сколько к самому себе.

Не удивительно, что, как показывает автор, Аксаков быстро уставал от общественной деятельности. Публицистика, призванная не столько ответить на волнующие читателей вопросы, сколько выразить красоту и глубину собственного внутреннего мира и «единственно верного» учения славянофилов, всякий раз выдыхалась за несколько лет и цензурные препоны оказывались, по сути, спасительным средством, позволявшим бросить утомительное и неблагодарное занятие, не признавая поражения и не чувствуя себя дезертиром. Как ни парадоксально, но «самым счастливым временем» в жизни Аксакова стал, по словам Тесли, период варваринской ссылки в 1878 г. (с. 541).

При этом Аксаков с трудом сдерживал в себе чувство презрения к тому обществу, к которому он обращался. В 1885 г., убеждая Победоносцева в необходимости достойно отпраздновать в Москве день святых Кирилла и Мефодия, он полагал, что «это не для москвичей нужно (они большею частью дрянь), а это требуется историческим чувством, сохранение и воспитание которого в сердцах — условие нашего спасения»⁴⁴. Москвичи платили ему тем же. «Подлец Аксаков, — записал 3 октября 1880 г. в дневнике кн. В.М. Голицын, — выступил с программой своей газеты, в которой уверяет, что в нём одном таится и будет выражаться в его газете правда, и что всё прочее ложь, фальшь и комедия»⁴⁵.

Не менее резким и высокомерным было его отношение к власти и её представителям. «Не требуйте покровительства власти, — предостерегал он М.О. Кояловича, — оно способно всё опакостить» (с. 641–642). Даже строительство церквей в Западном крае силами государства, а не общества, вызывало у него возмущение (с. 654–657). В отличие от М.Н. Каткова, он не стремился приобрести влияние на правительственную политику. «Я вовсе не желаю, — гордо утверждал Иван Сергеевич, — чтоб власть воплощала мои теории, и вообще жду от власти только одного действия, не созидательного, а отрицательного,

⁴⁴ Письма И.С. Аксакова к К.П. Победоносцеву // Русский архив. Т. 125. 1907. № 10. С. 179.

⁴⁵ ОР РГБ, ф. 75, д. 10, л. 164.

или лучше сказать разделительного. Пусть она прежде всего мне развяжет рот» (с. 706). Мысль о сотрудничестве с государством была ему совершенно чужда и даже вызывала у него отвращение. «Он создаёт страшную мерзость – штатс-общество!», – с негодованием писал Аксаков Кояловичу о Каткове, газета которого, по мнению славянофила, «вносит элемент государственный в самое сердце, в душу общества, не давая ему никаких настоящих сил» (с. 689). И в то же время он искренне недоумевал, вопрошая Победоносцева: «Почему ты находишь нужным убеждать меня в необходимости поддерживать центральную власть, когда я только это и делаю, и, кажется, энергичнее, чем кто-либо?!»⁴⁶.

Похоже, Аксаков не сомневался в том, что упорная и последовательная пропаганда славянофильского учения во всей его полноте и чистоте лучше, чем что-либо, служит укреплению монархии. И его вовсе не смущало, что в своей публицистике, следуя букве и логике проповедуемой доктрины, он нередко впадал в крайности и высказывал мнения, явно уводившие в сторону от тех благих целей, к которым он стремился. Свояченица Ивана Сергеевича, Е.Ф. Тютчева, 15 января 1881 г. характеризовавшая «Русь» как «ужасно скучную» и «тоскливую газету»⁴⁷, ещё 7 сентября 1880 г. не без сожаления констатировала в письме к Победоносцеву: «Не имея вовсе чувства меры, сама истина у него становится ложью. К тому же он не может понять им произведённое впечатление»⁴⁸.

Возможно, резче всего неспособность Аксакова просчитывать резонанс своих публикаций проявлялась в тех статьях, где он затрагивал религиозные и церковные сюжеты. Ему ничего не стоило использовать в своей полемике фразы «если..., то это уже не Церковь», не продумывая до конца последствия такого вывода (с. 393–394). При этом он довольно легкомысленно полагал, что «мы можем ошибаться в наших статьях о духовенстве, но самый факт свободной критики... не должен никому казаться предосудительным» (с. 402). А ведь в молодости Аксаков сам сталкивался с тем, что свобода, предоставленная одним (например, право единоверцев служить по старым книгам и обрядам), может оказаться, особенно в крестьянской среде, соблазном для других (с. 396–397). Между тем выступления православных публицистов порою производили сильное (и не всегда желательное) впечатление на старообрядцев и сектантов⁴⁹.

Печатаемая в «Руси» статья о том, что используемое в тексте присяги выражение «клянусь Богом» многих смущает, он не задумывался, не смутят ли кого-нибудь подобные рассуждения. Когда же епископ Никанор (Бровкович), опасаясь или столкнувшись уже с недоразумениями по этому поводу, выступил с богословским опровержением, Иван Сергеевич не стал ему отвечать, как сам утверждал – из деликатности и уважения к сану, но, возможно, просто из-за отсутствия убедительных аргументов. Однако журналист тут же пожаловался на владыку своему приятелю – обер-прокурору Св. Синода: «Что мне делать с твоим Никанором? Лезет на меня и задирает»⁵⁰.

⁴⁶ Там же, ф. 230, к. 4391, д. 4, л. 1 об.

⁴⁷ Там же, к. 4407, д. 2, л. 20–21.

⁴⁸ Там же, д. 1, л. 74.

⁴⁹ Так, статьи Т.И. Филиппова, добивавшегося улучшения положения единоверцев, по свидетельству преподобномученика архимандрита Варлаама (Коноплева), надолго отвратили его, бывшего тогда раскольников, от присоединения к православию через единоверие (*Дамаскин (Орловский), игумен*. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 2. Тверь, 2001. С. 188–203).

⁵⁰ Письма И.С. Аксакова к К.П. Победоносцеву. С. 176.

В целом же отношение Аксакова к церковной иерархии было не менее сложным, чем к государственной власти. Он был доволен тем, что «статьи Гилярова... возбуждают против нас негодование Св. Синода. Это — к счастью» (с. 146). Архиереи, включая наиболее выдающихся, вызывали у него по меньшей мере недоверие и отчуждение. «Отчего же, — категорически заявлял он в 24 года, — одному Филарету или Иннокентию можно писать проповеди, которыми всякий восхищается, но которым никто не верит и никто не следует, потому что проповеди их — пустые слова, не приобретённые жизнью, не выстраданные, как результат долгого душевного воспитания» (с. 388). Гораздо позднее он напишет Победоносцеву о митрополите Иоаннии (Рудневе): «Какой-то чудак, сухой аскет, прозаик даже, не поэт и не идеалист»⁵¹. С сочувствием Аксаков отзывался, пожалуй, лишь об одном современном ему иерархе — сербском митрополите Михаиле (Йовановиче). В России же, по его мнению, представители «высшего» духовенства «слишком очиновничались и огенерализались» (с. 566). Он не скрывал своей надежды на то, что Победоносцев, став обер-прокурором Св. Синода, сумеет преодолеть «противодействие» архиереев, но как «глубоко верующий и церковный человек, *командиром* Церкви не будет» (Там же). Как можно было «справиться» с епископатом, не превращаясь в очередного «командира», Аксаков не разъяснял.

Вероятно, настороженное отношение к иерархам отчасти объясняло и широкую популярность аксаковских изданий у белого духовенства, видевшего возможность выражения в них своих чаяний. Конечно, в условиях всеобщего воодушевления и подъёма идеи устранения правительственной опеки, раскрепощения духовного сословия, свободы совести буквально витали в воздухе и развивались многими. Но тот же Катков делал это значительно осторожнее, Аксаков же, считая, что об устройстве церковной жизни может смело высказываться каждый христианин, не задумываясь о последствиях, печатал проекты масштабных реформ, восстановления соборности и проч. И лишь после смерти Ивана Сергеевича читатели смогли познакомиться с его размышлениями о том, что установление «modus vivendi между Церковью и государством» — «это такая задача, которую даже теоретически разрешить не могло человечество и до сих пор» (с. 399). Характерно, что Победоносцев, сочувствуя многим замыслам славянофилов, отчётливо осознавал, насколько затруднительно их осуществление. «Выбор священника — истинное дело, — писал он, — но каково сразу пустить его в такую среду, где за ведро водки можно собрать какую угодно заручную, где всем на селе орудует мошенник писарь, жид кабатчик или мужик мироед?»⁵².

Историкам, видимо, не раз ещё придётся внимательно присматриваться к религиозным представлениям и духовному опыту Аксакова. Анализируя их, Тесля не всегда точен в своих определениях и то утверждает, будто «для Аксакова было принципиальным — различие между православием и существующей церковью» (с. 146), то признаёт, что Иван Сергеевич «верил православно, веруя во Христа, исповедуя Символ веры, принимая учительство Церкви, *исполняя* таинства и *исповедуя* (выделено мной. — Е.М.) все обряды Православной церкви» (с. 402). Автор явно с трудом владеет богословской терминологией. Тем не менее он полагает, что «православие было для Аксакова “частью быта”, чем-то само собой разумеющимся, — и, собственно, никогда не оказывалось чем-то

⁵¹ Там же. С. 178.

⁵² ОР РГБ, ф. 230, к. 4409, д. 2, л. 97.

“чуждым”». Любопытно, что на этой же странице (!) Тесля, словно сомневаясь, вновь повторяет данную мысль почти теми же словами: «Православие для него – нечто само собой разумеющееся, часть привычной реальности, и, кстати, именно в силу этого лишённое особого пиетета» (с. 382). И лишь с начала 1860-х гг. автор обнаруживает у Аксакова не только «неприятие ханжества», но и «отказ отождествить православие с ритуализмом, традициями и обыкновениями» (с. 397).

Однако собранный в книге материал явно не соответствует подобной характеристике и свидетельствует скорее о том, что Аксаков (в отличие, например, от А.С. Хомякова) не столько *вырос*, сколько *пришёл* к вере, пережив период юношеского вольнодумства и отчуждения от церковной жизни. Так, в 1848 г. в письме к брату он по сути объявлял языческим весь народный быт (с. 389). В своей переписке 1849–1850 гг. Иван Аксаков сетовал на приверженность купцов к обрядам, которые «облегчают труд веры для слабой человеческой натуры», но «не составят никогда нравственного отпора соблазнам» (с. 70). Описание им различных аспектов бытовой религиозности носит в это время сугубо «этнографический» или «туристический» характер (с. 384). В 1852 г. он с сожалением отмечал, что И.В. Киреевский «слишком много поддаётся авторитету св[ятых] отцов» (с. 82). В 1856 г. Иван Сергеевич со свойственной ему безапелляционностью заявлял, что «нельзя сочувствовать: к допетровской Руси, к обрядовому православию, к монахам». Само слово «православие», по его мнению, порождает «недоразумение, мешающее распространению истины» (с. 144–145).

Весьма своеобразно религиозные мотивы проявились в литературном творчестве молодого Аксакова. При этом не духовные искания влияли на его характер и направление, а наоборот, избранный сюжет заставлял размышлять о религии. «Не то, чтоб пробудилась во мне вера..., – сообщал он брату в 1845 г. о своей так и оставшейся неоконченной поэме “Мария Египетская”. – Нет, этого я не могу ещё сказать, но я почувствовал и значение Церкви, и важность церковных обрядов» (с. 383). Ситуация существенно изменилась только после того, как Аксаков принял на себя роль наследника старших славянофилов и хранителя их идей. Их авторитет заставлял его теперь воздерживаться от категорических богословских суждений. Как заметил Тесля, Иван Сергеевич «не только не был богословом, но и не претендовал на подобный статус», хотя «много сделал..., чтобы внести живой дух в русское православное богословствование» (с. 402–403). Вероятно, исследователям ещё только предстоит раскрыть его вклад в становление русской религиозной мысли.

В книге Тесли затронуто столько сложных и до сих пор ещё слабо изученных тем, что можно лишь сожалеть о том, что она буквально пестрит опечатками. Некоторые из них могут даже запутать начинающего исследователя. Так, Н.П. Рунковский назван Рувимским (с. 424), а фамилия литовского историка Д. Сталюнаса указана как «Салюнас» (с. 791). Встречаются и довольно курьёзные ошибки. К примеру, в цитате из письма Аксакова к А.Ф. Тютчевой можно прочесть: «Да соединит нас Бог соединением святым истинно-христианского барака» (с. 260).

Впрочем, все эти корректорские мелочи несколько не принижают значения проделанной автором работы. Книга А.А. Тесли помогает скорее даже не *понять*, а лучше *почувствовать* И.С. Аксакова. А это представляется необходимым условием для появления новых трудов, которые несомненно обогатят наши знания о русской общественной мысли и её творцах.